

Иван Хламов: «Мы — люди своего места и своего времени»

Иван Хламов: «Мы — люди своего места и своего времени»

Недавно Политех выиграл больше девяти миллионов рублей в конкурсе грантов «Движения Первых». Заявку подавали совместно Управление молодежной политики, Дирекция довузовского образования и привлечения талантов и Отдел развития карьеры. Деньги пойдут на поддержку талантливых студентов и школьников.

Надо сказать, что система получения дополнительных источников финансирования молодежных проектов в Политехе поставлена на широкую ногу. Во многом благодаря проактивному подходу к работе начальника Управления молодежной политики Ивана Хламова, который считает одной из основных своих задач создание для студентов пространства поддержки и партнерства. Как говорит он сам: «Мы люди своего места и своего времени. И всё, чем мы сейчас занимаемся, это результат того, что с нами происходило до этого». А до этого было много чего. Иван — представитель яркого поколения студентов, которые вывели на новый уровень патриотическое движение в Политехе, сделали его искренним, живым и популярным. В 2013 году Иван, на тот момент председатель военно-исторического клуба «Наш Политех», стал победителем конкурса «Студент года» среди вузов Санкт-Петербурга в номинации «Лучший в патриотической работе».

В интервью для рубрики «Персона» Иван рассказал, как хобби стало его работой, почему ему сложно объяснить тем, кто не в теме, чем именно он занимается, зачем он за год прочёл 49 книг и почему не надо ничего додумывать за людей.

— Иван, для начала можно несколько слов о гранте «Движения Первых»? Вы впервые такую крупную сумму выигрываете?

— Как площадка поиска возможностей и дополнительных ресурсов мы всегда объясняем студентам, что не нужно ограничиваться только ресурсами университета, надо подавать заявки на гранты. Сами регулярно участвуем в конкурсах «Росмолодёжь.Гранты», там есть программы и для физических лиц, и для вузов. В прошлом году выиграли грант порядка 16 миллионов, он рассчитан на два года. Поэтому у нас появилось свободное время, и мы этой весной отправили заявку на конкурс «Движения Первых». И вот выиграли. Что из себя представляет грант? В Политехе очень много инициатив и для студентов, и для школьников. Мы решили объединить всё, что делается в этом направлении, под общим брендом, связать в единую цепочку. Включили в заявку большой блок работы со школьниками от Центра по работе с абитуриентами и Дирекции довузовского образования и привлечения талантов. Они проведут летнюю школу для детей из разных регионов. Следующий блок: фестиваль «День первых» и проектные школы. К этим традиционным для университета вещам привлечём школьников, чтобы они взаимодействовали со студентами. Следующий блок связан с отделом развития карьеры: знакомство с компаниями, стажировки и финальная точка — Молодёжный карьерный форум.

— С грантом разобрались. А теперь расскажите, пожалуйста, о себе. Вы родом из Тихвина?

— Нет, я сибиряк, родился в Кемеровской области, в городе Калтан. У меня мама родом

из Сибири, в советское время её после техникума распределили на предприятие в Тихвин. Здесь она встретила моего папу. Но меня захотела родить в Сибири. Правда, через год меня вернули обратно, и вырос я действительно в Тихвине. Когда мне исполнилось лет пять, мама возила нас с младшим братом на родину, но больше я там не был.

— Что вспоминается из детства?

— У нас был свой дом, в основном я помогал родителям по хозяйству. Ещё в футбол играл. В старших классах у нас было разделение по профилям, и мне очень откликнулись химия, математика и физика. Много олимпиад выигрывал, по сути, по результатам олимпиад и поступал. Плюс серебряная медаль. А ЕГЭ мы тогда только один сдавали, по русскому языку. Для поступления я искал что-нибудь на стыке химии, физики и прикладной математики. Мог пойти на химфак СПбГУ, но не захотел учиться в Петергофе. Потом случайно встретился с товарищем, который уже учился в Политехе. Он рассказал, что там как раз есть специальности по материаловедению, физическая химия, тогда ещё очень популярны были наноматериалы. Желающих на это направление было много, и в результате я попал в ИММиТ (тогда он назывался ФТИМ) на химическую технологию монокристаллов, материалов и изделий электронной техники. Название только ко второму курсу выучил. *(Улыбается.)* В то время только начинали вводить Болонскую систему, нам предложили перейти в бакалавриат. А так как я хотел задержаться в вузе подольше, то согласился. В магистратуре в группе было всего три человека! Тогда же предложили работать, и я писал магистерскую диссертацию, работая в Институте химии силикатов РАН. А теперь, хотя работаю не по специальности, поддерживаю связь с ней, выступая экспертом в своей области в различных фондах, когда смотрю заявки по коммерциализации исследований и разработок в области материаловедения. Да, так сложилось, что хобби, которое у меня появилось в студенчестве, превратилось в работу.

— Хобби, связанное с военно-историческим клубом?

— Скорее связанное с помощью людям. Хотя да, мы горели идеями изучать историю, погружаться в неё. У нас была такая ценностная ориентация, что мы — ретрансляторы истории. Причём, это не связано с тем, что я прямо люблю-обожаю историю. У меня вообще единственная тройка в бакалаврском дипломе — по истории! Скорее, меня привлекала организаторская, проектная деятельность, генерация идей. Я был увлечён сообществом, людьми. И я продолжаю в той же среде заряжать других ребят, показывать, чем им это может быть полезно в жизни, помогаю найти своё дело, призвание, найти людей, которым они могут доверять, которые будут их поддерживать. Внеучебная среда формируется в вузах для того, чтобы ребята интересовались чем-то, пробовали, ошибались, снова пробовали. Чтобы у них была не деструктивная, а созидательная повестка. Мне сложно объяснить людям не из вузовской среды, чем я занимаюсь. Такая должность — начальник управления молодёжной политики — многое включает: организатор мероприятий, администратор. Но главное то, что мы — помощники и наставники для ребят, которые хотят развиваться и видят в этом ценность за рамками образовательных программ.

— По любым направлениям?

— По любым. Мы же видим, какие возможности создаются на федеральном, региональном уровнях. Это говорит о том, что у государства есть запрос на созидательные идеи молодёжи. Но важен честный диалог. Много контактируя с лидерами наших студенческих сообществ, я вижу, что у ребят есть потребность в неформальной обратной связи, в общении, рефлексии. И мы стараемся формировать среду доверия. Есть бюджет на поддержку студенческих инициатив, но он ограничен. Можно сказать, что денег нет — и до свидания. Но мы объясняем, что есть ещё дополнительный ресурс, который мы можем совместно получить. Так мы пришли к грантовой деятельности. Мы помогаем ребятам с заявками, с поиском конкурсов, с письмами поддержки, с упаковкой идей. При этом показываем своим примером, что тоже не сидим в границах бюджета университета, развиваемся, идём на крупные конкурсы для вузов и получаем поддержку. «Росмолодёжь.Гранты», «Движение Первых», есть мысль через Ассоциацию выпускников выйти на Фонд президентских грантов, Фонд культурных инициатив. Инвестирование в общественные начинания наращивается с каждым годом и поддерживается государством. Надо пользоваться этими возможностями, завтра их может не быть. И поэтому мы выступаем для студентов площадкой помощи, консультирования, поиска мотивации, самоопределения, упаковки идей, освоение навыков. Я сам с удовольствием общаюсь со студентами, но порой не хватает времени и ресурсов, и мы начали формировать

сообщество «Наставники Башни». Такой проект уже два года существует. Это сотрудники университета, выпускники, молодёжные лидеры, разделяющие идею, что, развивая других, они развиваются сами. Эти люди приходят в Башню после работы, консультируют студентов, готовы им помогать бесплатно. Очень перспективная инициатива. Сейчас в сообществе 25 человек.

— Они сами на вас выходят?

— Мы запускали набор, люди откликнулись, было обучение с вручением сертификатов. Нам нужно было это регламентировать, чтобы понимать, какими компетенциями должен обладать наставник. Одно дело — просто помогать по зову сердца, а другое — делать это структурно, системно, чтобы коммуникация со студентами была максимально полезной. Есть определённые технологии по работе с наставляемыми. Мне очень нравится тезис «Не причини добро». Важно, чтобы создавалось пространство доверия, пространство партнёрства.

— Это индивидуальная работа или группами?

— В основном, это идёт от запросов студентов. Ребята могут обращаться в сообщения группы Башни, написать любой запрос, чтобы получить наставника. Это первый, простой формат. Второй формат — работаем со студенческими сообществами. Они тоже на разных этапах развития находятся, у всех разные амбиции. Поэтому нужна помощь наставников. Третий формат — это гранты. Очень много есть ресурсов, куда

можно подавать заявки, но ребятам нужно помогать докрутить их идеи, чтобы сделать их максимально эффективными для получения грантов. Можно горячо верить в свою идею, но гранты — это ещё и правила оформления, нормы, критерии. Конечно, иногда это сильно бьёт по мотивации ребят, но мы учим, что нужно уметь продавать свой проект, свою инициативу.

— У вас же есть специалисты в этом?

— У нас вся Башня с этим работает. Раньше это был Центр проектной деятельности. Мы немного трансформировали, и сейчас это называется Центр молодёжных траекторий. Это свободная площадка для молодёжного творчества в разных сферах. Здесь есть инфраструктура для развития технических проектов, есть консультационная наставническая помощь для социальных проектов. Здесь постоянно кипит жизнь, и все сотрудники обладают компетенциями в проектной деятельности и понимают, что они выступают наставниками Башни. Администраторы, технические работники — тоже часть этой экосистемы, тоже помогают студентам. Для многих студентов это первая работа, первый трамплин: они получают опыт, вырастают до определённого уровня и уходят дальше.

— Они уходят, а вы остались. Или уходили на какое-то время?

— Нет, не уходил, всё время в Политехе работаю. Просто я выступаю ещё как эксперт грантовых конкурсов, консультант, методолог. У меня специфичный набор

профессиональных качеств. Мне нравится генерировать идеи, упаковывать их, во многих организациях выступаю наставником, иногда преподаю по совместительству, участвую в проектной деятельности в других командах. Работая в управлении, в среде развития и созидания, я иду навстречу всем возможностям вовне, чтобы попасть в систему, понять, как она устроена, и рассказать нашим студентам правила игры. С 2021 года я — эксперт «Росмолодёжь.Гранты», с 2023 года — эксперт-наставник. Важно туда погрузиться, чтобы прийти сюда и нашим же ребятам рассказать, как устроена эта система, чтобы им было проще.

— Трудно было попасть в экспертный совет?

— Нет, если есть желание и опыт. Я агитирую многих коллег туда вступать. Уже четыре человека стали экспертами «Росмолодёжь.Гранты»: Дима Грановский, Софья Романова, Елизавета Василенко, Наталия Дзех. Отбор серьёзный — ты должен иметь опыт работы с молодёжными проектами, но попасть реально. Это же, по сути, общественная работа. Большой плюс — это контакты в сообществе людей, которые занимаются тем же самым, разделяют те же ценности. Сейчас был очередной набор: порядка 1300 человек со всей страны стали экспертами. Они помогают «Росмолодёжь.Гранты» оценивать заявки по критериям. Каждую заявку смотрят три эксперта. Если хотя бы у одного расходятся баллы, то всю заявку отправляют на переоценку другой группе экспертов. Экспертная оценка не может быть субъективной.

— Если ребята принесут вам проект, вы можете, оценив его, сказать, что он не пройдет по критериям?

— С точки зрения наставничества, так некорректно говорить. Важно не навредить. Надо давать обратную связь, только если человек готов её получить. А вообще, нужно задавать вопросы, чтобы человек сам сделал вывод. Сценарии могут быть разными. Например, можно сделать проект вообще без гранта. Но главное, чтобы человек продолжал верить в свою идею. Если он пришёл к нам и рассказал о ней, это большой шаг. Даже если кто-то уже подобное делает. Много технарей приходит: ребята придумывают устройства, пытаются на стартап податься, но порой делают то, что уже в мире есть. Но они по-своему это видят и по-своему этим горят. И говорить им, что их заявка не пройдет, значит отпугнуть и лишиться мотивации. Мы стараемся так не делать. Есть разные формы наставничества и взаимодействия. Я в прошлом году обучился на коуча второго уровня. С точки зрения моего самоопределения — кто я, чем занимаюсь — мне откликается коучинг, это про меня. Мне нравится коучинговая позиция: я как наставник не должен нести ответственность за движение наставляемого к поставленной цели и получение результата. Да, я рядом, я создаю пространство поддержки и партнёрства. Но движение к результату и к цели, которую он себе поставил, это полностью его ответственность. Если я включусь и буду идти с ним, пинать его, толкать, тормозить, то это будет и моя ответственность, и моя цель. А это неправильно. В моём понимании, наставник — это кто-то рядом. А чтобы сложилось такое взаимодействие, нужно создать пространство доверия, чтобы на пути

к цели человек мог к тебе обращаться за помощью. — Кто-то из ваших наставляемых особых успехов добился? — Честно говоря, понятие успеха — относительное. Была у человека проблема, и он её решил. Успех? Успех. В его картине мира — определённно. Проблема разрешилась, он сам пришёл к её решению. Даже если это супер-мелкая проблема. А что касается выдающихся людей, есть такие ребята, да. Многие выигрывают гранты, крутые конкурсы, как «Твой ход», получают миллион рублей на своё развитие. Я эксперт «Твоего хода» тоже, кстати.

— Когда вы учились в университете, не было же такой структуры, как Управление молодёжной политики. Куда молодёжь обращалась?

— В Профсоюз. По сути, Максим Александрович Пашоликов всё это начинал. Плюс государство стало регламентировать молодёжную политику. Буквально года три назад только вышло распоряжение, чтобы в каждом вузе появилось такое структурное подразделение. Поэтому совпало: мы попали в нужное время в нужное место. Мне очень нравится тезис: человек своего времени и места. Нет универсальной формулы успеха. Есть целый симбиоз совпадений, и многое решает случай, удача. Есть доля твоего профессионализма, влияние людей, с которыми ты общаешься. Мы — люди своего места и своего времени. И всё, чем мы сейчас занимаемся, это результат того, что с нами происходило до. Которое определяет, что будет дальше.

— Раньше комсомол управлял всей молодёжной жизнью, но это была чисто идеологическая, политическая организация. А сейчас политика по отношению к молодёжи строится более мягкими методами и как бы на неё направлена, на её интересы.

— Скорее государство пытается вместе с молодёжью определить, что им надо. Все эти федеральные программы появляются от запросов молодёжи. Понятно, есть государственные задачи, приоритеты и национальные цели. Но есть гибкость и адаптивность. И потом, много ребят работает в этих структурах. Многие компании создают программы поиска кадров. Например, «Росатом» создал целый департамент молодёжной политики у себя в корпорации. Они формируют сеть студенческих сообществ в вузах, где не большой начальник приходит и что-то говорит студентам, а сами студенты популяризируют работу «Росатома», показывают все возможности. Поэтому, скорее эти программы — вместе с молодёжью. Есть приоритеты и цели, но и гибкость есть. Возможно, не хватает диалога, чтобы обосновывать некоторые принимаемые решения.

— Вы какое-то время в музее работали.

— Музей и сейчас у меня в составе управления, как и Башня, как и Центр психологического сопровождения. У нас есть три составляющие, на которых мы базируемся: первое — традиции, история, достижения, формирование сообщества политехников — этим занимается музей. Вторая составляющая: навыки, карьера, развитие — это Башня. И третья — когда ты опираешься на опыт прошлого и двигаешься дальше, на этом пути важно сохранять баланс. Для этого нужна

психологическая помощь. Это, кстати, тоже получилось в нужное время в нужном месте, потому что в министерстве появились рекомендации создавать психологические службы, начали выделять средства на них. Три составляющие, три кита создают среду. У нас все студенты первого курса проходят через музей, экскурсионные программы, конкурсы на знание истории. И в целом музей стремительно развиваемся, есть запрос руководства университета на важность и целесообразность такой площадки. Водят туда делегации, новых сотрудников. Важно понимать историю места, в котором ты находишься.

— А в Башне осталась выставка восстановленной техники?

— Осталась. Исторический клуб, поисковая комната существуют на втором этаже. Но мы проанализировали ресурсы и перенесли фокус на проекты, которые связаны с современными технологиями, робототехникой. Такой запрос был от студентов — применять навыки, которые им в будущем пригодятся. Поэтому нижнюю площадку переориентировали.

— Какие у вас увлечения помимо работы? Как проводите свободное время?

— Я молодой отец, поэтому самое лучшее моё увлечение сейчас — это семья и дочь Нина. Ей год и два месяца.

— Редкое имя для нашего времени!

— Мы назвали так, потому что любим Грузию, поэтому у нас дочь Нино. Ещё я играю в футбол с коллегами. У нас есть неформальный спорт-кружок. Как-то на новогоднем корпоративе решили создать чат, туда стали вступать сотрудники других подразделений. Попросили спорткомплекс выделить нам время по четвергам на волейбол, собираются команды, есть также футбол, есть возможность в неформальной обстановке пообщаться, поиграть бесплатно. Кроме того, я уже года два бегаю. С утра пробегаю 10 километров, без музыки, просто бег. Я живу на Парашютной, там есть дорога длинная. Третьего мая впервые побегу Казанский марафон. Я бегаю не ради рекордов, а чтобы сбрасывать эмоциональный стресс. Ещё мне помогают книги. Хотя у меня довольно интересный кейс. Сейчас пошёл третий год моего читательского марафона. А до этого я просто ненавидел читать. За всю жизнь я прочёл максимум пять книг. Среди них: — «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова, «Мастер и Маргарита». В школе я честно не читал ничего по программе. Хотя ходил в литературный кружок! И вдруг встретился с одним человеком, он мне посоветовал книгу, я пошёл, купил, прочитал и после этого мне захотелось читать. Я воспринял чтение книг как элемент фокусировки внимания и борьбы вот с этим (*показывает на телефон*). Потому что это реальный пожиратель времени. За первый год я прочитал 49 книг.

— Ого. Художественную литературу?

— Вообще всё, что откликалось по описанию. А началось с двух книг. Первая, «Джедайские техники» Максима Дорофеева, на меня очень сильно повлияла. Это про фокусировку внимания и про, как автор выражается, «внутреннее мыслетопливо». Ты можешь делать миллион задач, если у тебя есть мыслетопливо. Если ты энергетически разряжен, внимание расфокусировано, то у тебя ничего не будет получаться. После этого я отключил уведомления на телефоне, и стал всё успевать. Просто выделяю определённое время на то, чтобы проверить сообщения.

— А вторая книга какая?

— «Жизненные принципы» Рэя Далио. Это тоже не для каждого, он описал жизненные принципы и работу, как они связаны между собой, и как разделяются. Потому что у меня есть некоторое смешение. Мне и работа очень нравится, и личная жизнь моя очень нравится. А всего я прочитал за два года порядка 70 книг. «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» просто взахлёб читал, на одном дыхании. (Смеётся.) Сейчас впервые читаю «Гарри Поттера». «Дюну» начал. С дочкой мы «Хроники Нарнии» читаем. До этого — «80 дней вокруг света». Я читаю — она слушает.

— Жена тоже из Политеха?

— Да, познакомились, когда я работал в Центре патриотического воспитания «Родина», а она пришла в поисковый отряд поступать. Но у меня это уже второй брак. До этого тоже была из клуба девушка, но мы были слишком молодые, поэтому не срослось.

— Вы, значит, в общежитии жили. Какой наставнический совет могли бы дать тем, кто там живёт сейчас?

— Не додумывать за других людей. Общежитие — это среда, где нужно много коммуницировать: с администрацией, с комендантом, с соседями по блоку. Надо решать проблемы, а главная проблема в том, что мы пытаемся додумывать за других, читать их мысли, проецировать на них свои мысли, загоняться, переживать, стрессовать, бунтовать, сопротивляться, бороться...

— А надо что? Задавать вопросы?

— Да, общаться. Даже если человек не идёт на контакт, можно подойти позже, когда он успокоится. Важно оценивать его состояние. Основа коммуникации: когда человек эмоционирует, с ним бесполезно спорить и ругаться, потому что ни к какому конструктиву вы не придёте. Нужно войти в конструктивную среду, чтобы взаимодействовать. Душ не работает? Если мы заходим с негативом, то и со стороны администрации будет негатив. Надо поговорить и решить, чем можно помочь. Может, они уже знают про этот душ, просто ждут запчастей долго? А мы уже подняли бунт, что всё ужасно, написали кучу негативных отзывов про отвратительные общежития в Политехе и что сюда поступать не надо. Но нам же и самим не очень, когда мы чрезмерно проявляем эмоции, мы начинаем тревожиться. И людям не очень. Эта проблема есть и на работе. Я говорю коллегам, что не могу одновременно видеть всё. Поэтому, если есть проблемы — говорите, но не с негативом, а давайте разбираться

ВМЕСТЕ.

— Спасибо за ценные советы!